

Я провинился в первый же день своей службы у барыни. Увидев ее в красивой прозрачной одежде с полуголой грудью, я разинул рот и выронил из рук бочонок. Грохот его падения так перепугал барыню, что она вскрикнула, и рассердившись за этот испуг, приказала выпороть меня на конюшне.

Конюх Евлампий со смешками положил меня на козлы, связал под ними мои руки, так что я лежал, обняв их, и ожег меня розгами по голому заду. Мне, конечно было больно, но привычно, так как за разные провинности, тятенька бывало не раз уже парывал меня. Когда он успел разрисовать розгами мой голый зад, в конюшню вошла барыня. Мне было стыдно, что она видит мой голый исполосованный розгами зад, а в особенности выставленный на обозрение срам, который, как это часто бывает во время порки, пришел в возбужденное состояние и, подобно рогу быка, торчал между ногами. Хоть она и барыня, но все же женского полу и мне стыдно перед нею.

Услышав ее полный удивления возглас, я на всякий случай, завсхлипывал. Барыня не мешкая приказала Евлашке убираться из конюшни.

— А что Андрюшка, очень больно порет конюх? — спросила она, приближаясь ко мне. Тихонько подвывая, чтоб не выпросить у нее еще розог, я жалостно зашвыркал носом, показывая, что порка для меня ой как не сладка.

— Как он тебя исполосовал безжалостный.

По моему заду легко, будто ласковый ветерок, скользнули ее пальцы. Водя по розовым от розог узором, они опустились ниже, щекоча волосы меж раскоряченных ног.

— Плохо, когда порют Андрей? — спросила она, водя пальцами по моей висящей меж ног мошне.

— Ох, плохо матушка! Еще как плохо, — жалко всхлипывая, отвечивал я. — Прости меня барыня-матушка, оплошал. Вдругорядь, я буду осторожен.

Рука барыни коснулась моего обнаженного срама, потом с силой стиснула его. Мой длинный, похожий на жеребьячий член, торчащий под животом рог, в ее пальцах отвердел.

— Скажи мне Андрюша, ты, наверное, всю грешил с девками? — вкрадчиво спросила она, теребя его пальцами. Вторая ее рука коснулась моего отвисающего мешочка.

— Н-нет, барыня-матушка. Тятенька мне строго-настрого приказал, не трогать девок.

— Так ли это?! Что-то не верится. Девки-то, небось, сами вешались тебе на шею. Вон у тебя какой большой, орган будто у жеребенка.

— Ох, матушка-барыня, прости, грешен. Было дело. Не сам я. Это они, совратили, бесстыжие.

— Так ли это? Кажется мне, что лжешь ты. Как это было? Расскажи. Даже если и соврал, так и быть, не бойся, за это наказывать не стану. Ничего не скрывай только. Если почувствую, что снова говоришь мне неправду, вот тогда могу приказать продолжить порку. Евлампий, находится неподалеку. Так как это было?

— Стыдно говорить-то матушка-барыня.

— Ну что же, придется видно приказать Евлампию пороть тебя.

— Купался я на реке матушка-барыня.

— Как купался? — с живым интересом спросила она, продолжая тихонько теребить мой торчащий рог.

— Известное, дело, матушка-барыня. Как обычно ребята купаются, безо всего, без рубахи и порток, то ись. Как на свет народившись.

— Совершенно обнаженный? — с придыханием спросила она, крепче сжимая пальцами мой рог.

— Без порток матушка-барыня. Как будто в бане был.

— И что же, было с тобой?

— Вылез я из реки, продрог страшно и... захотел... по нужде малой. Ну, забегаю за куст, а там девки дворовые — Фенька с Палашкой на корточках сидят, и на меня удивленно таращатся. А как нежданно появился я, увидели меня, так от неожиданности на траву и сели. Да и повалились от страха на спину, ноги задрались, а под рубахами у них ничего нет.

— Это мне известно, что деревенские девки без панталон ходят. Так что было дальше? — спросила она будто не замечая, как я корчусь на лавке.

От прикосновений ее ощупывающих мой рог пальцев мне было уж совсем не вмоготу.

— Я прикрыл срам, а Палашка поманила меня пальцем. — Посмотри-ка, говорит, Андрюшенька, что у меня есть и подняла рубаху. Уволь барыня — матушка, стыдно далее рассказывать. Бесстыдство одно...

Она крепко сжала мою мошонку.

— А, про Евлампия ты не забыл? — ласково спросила она, и словно стараясь сделать мне больно, несколько раз сдвинула кожу на роге. Я невольно охнул. Не от боли, а сладости. Еще немного и, видит бог, не выдержу, брызну соком.

— Я увидел ее срам, густо поросший черными волосами. Среди них виднелась длинная щель, уходящая под ее толстый зад. Девка тут же прикрылась.

— Покажи, что там у тебя Андрюша, — медовым голосом пропела она, Фенька тебе, ежели хочешь, тоже покажет.

— Фенька, это горничная моя?

— Да матушка-барыня, не вели казнить. Не по своей я воле. А по вине девок бесстыжих. Умаслили меня, соблазнили, бесстыдницы — жалостно заканючил я.

— Я же сказала, за эти грехи, ответа передо мной держать не будешь. Дальше то, что? Рассказывай скорее. Не тяни.

— Отнял я руки, а девки ахнули и во все глаза, охально, уставились на мой срам.

— Он так же торчал, как сейчас? — спросила она, шевеля моим рогом.

— Д-да, м-матушка. О-о-ох!

— Не вздыхай, не больно тебе пока.

— Я не от того матушка-барыня вздыхаю.

— Терпи, сколько можешь и рассказывай все. А если, с тобой сейчас случится что, я уж не взыщу. Продолжай.

— Глаза у них разгорелись и Палашка даже протянула к сраму руку. — Э нет, — сказал я, прикрывая его рукой. Меня не проведешь. Ишь, какие Вы хитрые. Я то, пред Вами голый сижу, а Вы в рубахах. Не успел я сказать это, как Палашка сдернула через голову рубаху, представ предо мной в первозданном виде.

— Ах, бесстыдница! — воскликнула барыня, крепче сжимая мой рог. — А хороша ли она Андрюша?

— Чудо, как хороша, матушка-барыня! — искренне ответил я. — Точно налитая. Тельная, грудастая. И сзади шибко сдобна. А за ней, по примеру ее, Фенька также заголилась. Она,

конечно, не столь полна, по сравнению с Палашкой, но в талии перехватиста и срамное место не столь густо волосом поросши. Я убрал руки и девки схватились за меня. А я за них. Невозможно удержаться, коль перед тобой раскорячась сидят голые девки. Они за меня... за него, а я за них.

— За что ты хватал их? — взволнованно дыша спросила барыня, тиская мой рог.

— За... груди барыня-матушка, да за... срамные места.

— А они тебя?

— Да барыня матушка.

— И что же дальше было?

— Палашка потянула меня... за него к себе, а сама на спину... Я и не сдержался. Прости матушка не знаю, как уж случилось, бес наверно попутал, а согрешил я с девками.

— Много ли раз согрешил с ними?

— Три барыня-матушка. Два раза с Палашкой, и один раз с Фенькой.

— Хорошо ли, приятно ли тебе было с ними?

— Ох, матушка, ничего не помню. Как вихрем подхватило. Обеспамятовал сразу.

— Как же Вы ложились? На траве то колко, наверно?

— Колко матушка. Да в это время, обо всем забываешь.

— Как же они переносили тебя. У тебя ж вон какой большой... член, — произнесла она, тиская мой изнывающий в ее руке рог.

— Палашка то, ничего, хорошо переносила. Просила даже, что б глубже. А Фенька, та понежнее, стонала, как от боли, царапалась.

— Но, ей не больно было? Иначе б не позволила тебе?

Говоря это я так разгорячился, что мой член дернулся и изверг на пол и сжимающую руку барыни длинную струю семени. Видя, что я мучаюсь, она помогла мне, сделав несколько быстрых движений рукой, словно выдаивая меня. Это и впрямь помогло. Я досуха опорожнился на пол, сделав на нем белую лужицу.

Помогая мне, барыня взволнованно ахала, дышала и вообще сильно волновалась.

— Ты вот что, Андрюша, — сказала она размякшим голосом. — Придешь ко мне вечером в опочивальню и продолжишь свой рассказ. — Я хочу узнать все. А пока, я прикажу конюху тебя отвязать.

Еще раз сжав пальцами мой потерявший твердость срам, она вышла.

Зайдя в конюшню, Евлампий хмыкая и что-то невнятно бормоча себе под нос, отвязал меня.

— Повезло тебе парень, — вдруг тихо сказал он. — Помяни мое слово, постельничим теперь у нашей барыни будешь. Любит она слушать перед сном всякие занятные байки. И хмыкнув, добавил, только смотри, держи язык за зубами, а то потерять можно... вместе с головой. Так что, соображай.

Как мне было велено, вечером я явился в спальню барыни. Она возлежала поверх пухового одеяла, по грудь укрытая тонким, легким покрывалом. На ней уже не было верхнего платья и она возлежала в одной нижней рубахе.

— Я хочу услышать продолжение твоего рассказа. Я хочу, чтобы все было так же, как в конюшне. На козлы я тебя ложить не буду, привязывать тоже, а вот панталоны свои сними, оставь на себе только рубаху.

Смущаясь ее, я неловко скинул портки, в которые меня нарядили, после того, как взяли в услужение к барыне и я остался в короткой рубахе, едва прикрывающей срамное место. К

немалому моему смущению, так же как и днем, мой рог бесстыдно поднялся кверху бугром подымая рубаху. Барыня заметила это, но не стала сердать.

— Я приготовилась ко сну и лежу без одежды, поэтому не могу встать. Придется тебе взобраться ко мне на постель и разместиться рядом.

Смущенно пряча глаза я неловко полез на широкую кровать, дивясь воздушности и мягкости ее пышной постели. На лебяжьем пухе все, чай. Не то что наши грубые подстилки из сена.

— Ближе иди. Ляг рядом. Мне не дотянуться до тебя, — сказала барыня, увидев, что я лег с края.

Я лег рядом с барыней очень смущенный и обеспокоенный, что мой торчащий рог невозможно прикрыть коротким подолом рубахи. Ее рука тут же нашла уже хорошо знакомый сей предмет, крепко сжав его.

— Ты должен мне рассказать, что ты делал с девками?

— Матушка-барыня, мне совестно говорить. У нас было все, что делают девки и парни, когда они вместе и хотят друг друга.

— Я не об этом, спрашиваю тебя. Меня, интересует не только то, но и как ты свершал с ними грех.

— Как же я покажу матушка, коли ни Палашки ни Феньки тута нет?

— Не беда. Я же рядом и тоже женщина. Вот на мне и покажешь.

— Как можно матушка-барыня?! — Несказанно испугавшись ее слов, взмолился я. — Пощади Христа ради. — Как же я на Вас могу показать то, ежели это срам и непотребство одно?! — Не думаю, что это так ужасно. А интересно. Скучно здесь. А твой рассказ, поможет мне скуку развеять. Ты кончил рассказывать на том, что схватились Вы друг за дружку. Интересно мне узнать, как это было, — произнесла она, продолжая держать меня за вздыбленный рог.

Ее крепко сжимающие его пальцы, то передвигающиеся по нему, то крепко пожимающие, придали мне смелости.

— Они так хватали тебя? — с придыханиями спросила барыня, стискивая мой срам. — Или крепче? Вот так?

От ее пожатий, мои бедра невольно вздыбливало вверх.

— Так матушка-барыня, да и посильней. И выше. У самой вершинки.

— Вот так? Здесь? — спросила она, передвигая руку к наверхию рога и стискивая его.

— Ох! Да, м-матушка, так.

— А что же ты в ответ делал? Как ты хватал их?

— За срам матушка.

— Где же? — с интересом спросила она. — В каком месте?

— Как же я покажу матушка, коли Палашки да Феньки нету рядом? — растерянно спросил я.

— А ты представь, что я это они. На мне и покажи. Так где ты хватал их? — Нетерпеливо повторила она.

Страшно робея, я осторожно показал на одеяло, на то его место, где под ним должно быть укрыто срамное место.

— Ты показываешь, на покрывало. А я прошу тебя показать, как ты хватал их. Сними его и покажи, что ты делал с ними.

Замирая от страха, я стянул одеяло и увидел, что надетая на барыне ночная рубаха столь коротка, что не покрывает даже срамного места. Я впервой увидел нашу барыню голой, и заметил, что она ничем не отличается от обычной бабы.

— Так, за что и как ты их хватал? — настаивала она. — Показывай. Не заставляй меня ждать. «Пропал я», — подумал я, и решив, что все равно быть поротым, схватил барыню за срамные губы. Но, постарался сделать это деликатно.

— Что же ты с ней делал дальше? — взволнованно вздымая вылезавшей из рубахи грудью, прерывающимся голосом вопрошала она.

— Была у меня до них матушка девка. Так научила она меня, как в таких случаях надо управляться. Нашупал я внутри него бугорочек и ну шевелить его...

— Что ж ты мне не показываешь, какой это бугорочек, — дрожащим голосом спросила барыня, судорожно сжимая рукой мой рог. — Мне хочется это узнать.

— Вот здесь он матушка, — отвечивал я, осторожно всовывая палец в ее мокрую щель. Вот и бугорочек.

— Что же... потом... было?

— А потом матушка-барыня, начал я шевелить его и катать. Вот так.

— И... как долго ты делал это? Покажи мне все, как было... ничего не упусти.

— Шевелил я его шевелил. Катал я его катал, — бормотал я, трогая бугорок барыни, бедра которой, начали все сильнее дергаться, да волноваться, — пока Палашка не упала на спину, да не раскинула предо мной бесстыдно ноги, так что понял я, чего она ждет.

— Так чего же ждала Палашка?

— Что б... покрыл я ее собою барыня.

— И как это было, покажи мне.

— Раскинула она значит ноги...

— Вот так? — спросила барыня, сгибая и раздвигая белоснежные ноги.

— Похоже. И лег я на нее.

— Как, лег? Покажи мне.

Чувствуя, что и без того я слишком далеко зашел, коли трогал срам барыни, я лег на нее сверху и показывая, что было дальше, взял из ее руки свой рог и поведя им по ее сраму, вставил в мокрую скважину. Хоть и была она мокрой, да скользкой, все одно мой рог с большим трудом погрузился в нее, заставляя своим напором раздвигаться его пульсирующие стенки. Под моим животом мелко-мелко дрожал живот барыни, а сама она дышала жарко, точно была в горячке.

— Что же ты делал дальше, — угасающим шепотом спросила она, раскинув по сторонам руки.

— А дальше, делал то, что обычно делает в таких случаях мужик с бабой.

И я показал ей так, что когда вернулся на грешную землю, обнаружил что бледная мокрая барыня, закрыв глаза, лежит подо мной, точно неживая. И мне со страху почудилось, что лежит она бездыханная. Меня охватил ужас. Запорют насмерть, коли случилось что с нею ужасающее!

Но, вот, она открыла глаза и прошептала: — «Это, конечно, очень ужасно. И сколько ты раз так делал?»

— С Палашкой два раза матушка-барыня. Да, с Фенькой один раз.

— Хорошо ли они себя, после этого чувствовали?

— Палашка, после первого раза поначалу уступила Феньке, а уж после второго раза была столь слаба, что попросила меня полежать немного на ней, чтоб дать придти ей в чувство. И велела не вынимать.

— Так и на мне полежи не вынимая. Значит, понравилось ей то, что ты проделывал с ней?

— Понравилось, матушка-барыня. Еще как понравилось. Призналась, что лучшего с ней до меня не бывало.

— Что ж, я согласна с ней. А она понравилась тебе?

— Очень понравилась матушка-барыня.

— А я не хуже ли ее.

— Лучше! — чистосердечно отвечивал я. — Куда уж лучше, матушка — барыня. Лучше не бывает. Нет в ней того огня, что есть в Вас!

— Спасибо, на добром слове, Андрюша, — неожиданно произнесла она.

— А не хочешь ли ты, чаще рассказывать мне о том, что Вы еще делали?

— О, матушка! Как я могу отказаться от чести столь великой! У меня еще много есть о чем рассказать Вам.

— Так не томи, продолжай, сказывай, — томно произнесла барыня, широко раздвигая ноги.

17.03.2003

E-mail автора: Severin809@rambler.ru